

Проваторова О.Н.

Оренбургский государственный университет

E-mail: olgaprovatorova@yandex.ru

«ОСТРОВ САХАЛИН» А.П. ЧЕХОВА – «ДУМА ХУДОЖНИКА И ЧЕЛОВЕКА О СВОЕМ ВРЕМЕНИ»

В данной статье доказывается связь натуралистических тенденций в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» с ее очерковой природой и задачами автора – отобразить свое время. Выбор объекта научного и художественного исследования, очерковый жанр произведения и, главное, задачи книги не только обусловили отбор, меру и формы использования материала, определили позицию повествователя, тон повествования, но и заставили автора прибегнуть к объективной манере повествования, а также протоколизму, фактографизму (фотографизму), натуралистическим подробностям в описаниях, сценах и портретах персонажей – всему тому, что мы называем натуралистическими тенденциями.

Ко времени поездки Чехов уже выработал свой идеал полной, абсолютной свободы, и поэтому его интерес к людям, живущим в условиях абсолютной несвободы, приговоренным к пожизненному страданию, понятен. Еще до поездки Чехов писал о людях, жизнь которых – непрерывное тихое страдание, которое может окончиться только смертью. Тема бессмысленной жизни и тема человеческих страданий очень важны для Чехова. В «Острове Сахалин» эти темы во много раз усилены. Чехов изображает реальность с помощью фактов. В тексте можно найти огромное количество «протоколов». Протоколизм и фактографизм – это приемы, которые использует Чехов для того, чтобы читатели услышали, увидели, поняли весь ужас происходящего на каторжном острове, через «протоколы» и факты реальности увидели другую реальность, другую картину современного мира – жизни-мучения, жизни-каторги.

Пространство «Острова Сахалин», несмотря на фактические огромные площади, ограниченное, тесное, оно «душит», подавляет человека, и он стремится вырваться из него. Для изображения пространства, в котором человек «задыхается» и не может существовать, Чехов использует натуралистические краски – цвет, звук и запах. Натуралистические краски помогают Чехову воспроизвести в книге «Острове Сахалин» образы жизни-мучения и жизни-каторги человека в современном автору мире.

Ключевые слова: Чехов, Сахалин, документ, натуралистические тенденции, натуралистические краски, цвет, звук, запах.

В наших исследованиях натуралистических тенденций в повествовательном творчестве А.П. Чехова была отмечена связь между появлением натуралистических тенденций и взглядами писателя на современную ему действительность, а также его отношением к позитивизму и натурализму [1]. Проблема натуралистических тенденций в творчестве Чехова важна для осознания его художественного мира. Она не нова в литературоведении – ставилась еще современниками писателя. В 1926 году о натурализме и Чехове писал Л.П. Гроссман. В своей работе он называет Чехова позитивистом и материалистом по художественному методу потому, что он «естественник, медик, биолог, анатом», бесстрастно анатомирующий человека и пришедший к истине: «человек есть животное» [2, с. 294]. Также в этом плане интересна статья В.И. Кулешова «Реализм Чехова в соотношении с натурализмом и символизмом в русской литературе конца XIX – начала XX веков» (1973). Ученый верно считает, что

чеховский реализм необходимо сопоставлять не только с реалистической традицией, но и с нереалистическими литературными направлениями. Исследователь отмечает, что «Чехов как художник не мог не взаимодействовать в положительном смысле с этими направлениями, если в них в какой-либо мере были элементы художественно-объективного отображения действительности, ценные методологические искания, определенные достижения в области поэтики» [3, с. 22].

Чехов – врач, естествоиспытатель, человек, верящий в науку и ее громадные возможности, не мог пройти мимо одной из наиболее влиятельных философских систем XIX века – позитивизма, который во многом определил его мировоззрение и отразился в его художественных исканиях [4]. Между творчеством и мировоззрением Чехова и позитивизмом, и, следовательно, натурализмом, вне сомнения, существуют схождения. Для Чехова характерно повышенное внимание к «жизни человеческого тела», попытки объяс-

нить явления жизни психофизиологическими особенностями тех или иных типов личности и даже с помощью психиатрии. Чехов-врач неотделим от Чехова-художника. В то же время писатель выступал против крайностей позитивизма и натурализма, полностью сводить к ним мировоззрение Чехова даже раннего периода нельзя. Вот почему книгу очерков А.П. Чехова «Остров Сахалин» мы проанализировали под «натуралистическим» углом, взяв за основу термины «натуралистические тенденции» и «натуралистические краски».

В начале 1890 года Чехов собирался в поездку на Сахалин, чтобы после написать книгу о настоящей русской каторге, увиденной собственными глазами. Чтобы понять причины поездки, вполне достаточно прочитать письмо Чехова Суворину около 20 декабря 1889 года, оно многое, если не все, объясняет: «...Пуды исписанной бумаги, академическая премия, житие Потемкина, и при всем том нет ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение. Была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезного труда <...>. Мне страстно хочется спрятаться куда-нибудь лет на пять, и занять себя кропотливым серьезным трудом. Мне надо учиться, учить все с самого начала, ибо я, как литератор, круглый невежда; мне надо писать добросовестно, с чувством, с толком, писать не по пяти листов в месяц, а один лист в пять месяцев <...>. Надо на многое наплевать <...> В январе мне стукнет 30 лет. Подлость. А настроение у меня такое, будто мне 22 года»¹ [5, П., т. 3, с. 304–305]. Из письма ясно, что писатель недоволен своей жизнью и творческой деятельностью. В письмах Чехова можно обнаружить истинные причины поездки: заняться серьезным трудом и найти ответ на извечный вопрос «что делать?», мучивший в эту «эпоху безвременья» не только его. «Если бы, – писал Чехов 22 марта 1890 года Леонтьеву (Щеглову), – <...> мы знали бы, что нам делать, <...> Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор, Баранцевич не хандрил бы, и нам не было бы так скучно и нудно, и Вас не

тянуло бы в театр, а меня на Сахалин» [5, П., т. 4, с. 45].

Как известно, Чехов уезжал в апреле 1890 года, изучив предварительно все труды по истории, этнографии и тюремоведению края, какие только смог найти в библиотеках, у друзей и знакомых. Им была подробно исследована специальная литература, труды по истории русской тюрьмы и ссылки, работы геологов, этнографов, ботаников, зоологов, тюремоведов, медиков, прочитаны и перечитаны книги путешественников, произведения русских писателей о ссылке и каторге, а также официальные отчеты Главного тюремного управления. В перечне прочитанных перед поездкой книг – 65 работ, позже, уже в процессе работы над «Островом Сахалин», библиография увеличилась почти в два раза.

Книга очерков «Остров Сахалин (Из путевых записок)» была впервые напечатана в журнале «Русская мысль» (1893–1894), позже, с дополнением четырех глав, выпущена отдельным изданием (1895) и составила X том прижизненного собрания сочинений, изданного А.Ф. Марксом в 1902 году.

И. Сухих в своей статье «Остров Сахалин» в творчестве Чехова» говорит о «протокольной» интонации книги: «Чехов посещает тюрьмы, идет из селения в селение, из дома в дом, с севера на юг, подробно перечисляет состав населения, его занятия, ссылается на многочисленные научные труды» [6, с. 74]. Действительно, в тексте можно найти огромное количество таких «протоколов»: «Летом 1890 г., в бытность мою на Сахалине, при Александровской тюрьме числилось более двух тысяч каторжных, но в тюрьме жило только около 900. Вот цифры взятые наудачу: в начале лета, 3 мая 1890 г., довольствовались из котла и ночевало в тюрьме 1279, в конце лета, 29 сентября, 675 человек» [5, т. 14–15, с. 94]; «Делаю выписки из того же отчета, касающиеся больничного инвентаря. Во всех трех лазаретах было: гинекологический набор 1, ларингоскопический набор 1, максимальных термометров 2, оба разбиты; термометров «для измерения тела» 9, 2 разбиты, термометров «для измерения высокой температуры» 1...» [5, т. 14–15, с. 371]; «Во всех этих селениях жителей 46, в том числе женщин 17. Хозяев 26. Люди здесь все основательные, зажиточные, имеют много

¹ Здесь и далее Чехов цитируется по: Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – М., 1974–1983. – Сочинения. – В скобках указывается том и страница. Серия П. обозначает письма.

скота и некоторые даже промышляют им» [5, т. 14–15, с. 197].

Эта же добросовестная отчетность присутствует в попытке полной переписи населения каторжного острова. Для чего нужно было переписывать всех до одного? Ведь судьбы людей и их типы из раза в раз повторялись. Чехову *необходимо было показать и весь объем ужасов, и кошмар каждой отдельной человеческой судьбы*, виной чему во многом был государственный механизм.

Дух скрупулезного документа, научного отчета присутствует в книге, а на первый взгляд, даже преобладает над всем остальным, ведь существовало же долгое время мнение об «Острове Сахалин» как о статистическом отчете, добросовестном очерке. Но это, конечно же, не совсем так.

Огромный мир человеческих судеб, страданий, страстей возникает на страницах чеховской книги. Некоторые «микросюжеты», оставаясь абсолютно реальными, приобретают обобщающий, почти символический смысл, оставляя далеко внизу «примечания и цифры» [6, с. 77].

Уже доказано, что каждый (!) сообщаемый писателем факт – реален, и сопровождается Чеховым точным указанием на время и место происходящего: «В первый раз я выехал к Аркаю 31 июля в 8 часов утра» [5, т. 14–15, с. 121].

«22 июля после молебна и парада (был табельный день) прибежал надзиратель и доложил, что генерал-губернатор желает меня видеть. Я отправился. А.Н. Корф принял меня очень ласково и беседовал со мной около полутора часа» [5, т. 14–15, с. 63].

Как отмечает В.Б. Катаев, «автору «Острова Сахалина» чуждо нагнетание жалости к описываемым им ссыльным, он пользуется одним средством воздействия на чувство читателя – выразительными фактами. Говорящий материал встречается на каждом шагу и в любое время, надо быть лишь достаточно вдумчивым и наблюдательным, чтобы его раздобыть» [7, с. 240].

Конечно, мы не можем говорить о преобладании протоколизма и фактографизма в книге «Остров Сахалин», замысел Чехова глубже, чем просто предоставить научный отчет. Протоколизм и фактографизм – это приемы, которые использует Чехов в своей жестокой и страшной

книге для того, чтобы читатели услышали, увидели, поняли весь ужас происходящего на каторжном острове и не только там. «Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. <...> Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку. <...> Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей» [5, П., т. 4, с. 31–34. – А.С. Суворину, 9 марта 1890]. Чехов в «Острове Сахалин» противопоставил аду, с которым он столкнулся на Сахалине, правду объективного исследования, беспощадную и честную. На вопрос «почему Чехов все же в своей книге выбирает документ?» очень верно, на наш взгляд, ответил И. Сухих: «Факты сахалинской действительности сами по себе так поразительны, что поставленные в определенный смысловой ряд, они создают эмоциональное впечатление, никаким искусством, «беллетристкой» не достижимое. Именно в рамках такой установки многочисленные чеховские перечисления, его строгая детализация получают свое объяснение. Автор стремится исчерпать изображаемый мир *до конца* (выделено здесь и далее, *И.С.*), показать, что трагедия скрыта в каждом «атоме» сахалинской действительности <...>. Чехов не позволяет себе домысливать ни психологию, ни историю, он *кончает там, где кончается документ* и собственный опыт. Такова чеховская принципиальная установка в «Острове Сахалине» [6, с. 83]. В этом плане показательны еще и то, что Чехов свою книгу заканчивает именно документом – главой о сахалинском лазарете, причем книга обрывается будто на полуслове. Почему Чехов не «закруглил» повествование пейзажем, размышлением или чем-нибудь другим? Писатель заканчивает «Остров Сахалин» сухим перечнем расхода лекарств на Сахалине, ироническим комментарием: «Всего, не считая извести, соляной кислоты, спирта, дезинфекционных и перевязочных средств, по данным «Ведомости», потрачено шестьдесят три с половиной пуда лекарств; сахалинское население,

стало быть, может похвалиться, что в 1889 г. оно приняло громадную дозу», выпиской из устава о ссыльных: «Из статей закона, имеющих отношение к здоровью ссыльных, приведу две: 1) работы, вредно действующие на здоровье, не допускаются даже и по выбору самих арестантов (выс. утв. мнение Гос. сов. 6 янв. 1886 г., ст. 1) и 2) женщины беременные до разрешения их от бремени, а разрешившиеся до истечения сорока дней после родов освобождаются от работ. После сего срока женщинам, питающим младенцев грудью, работы облегчаются в той мере, в какой это необходимо для предупреждения вреда самой матери или питаемому ею младенцу. На кормление грудью младенцев осужденным женщинам полагается полуторагодичный срок. Ст. 297 «Устава о ссыльных», изд. 1890 г.» [5, т. 14–15, с. 372]. Вот и все. Это финал. «В книге есть *приезд* на каторжный остров, но нет *отъезда* с него. И на последней странице автор так и остается в кругу сахалинских проблем и страданий» [6, с. 80].

Натуралистические тенденции и натуралистические краски в описании пространства «Острова Сахалин» близки к эстетико-психофизическому (пространственному) сдвоенному комплексу «узость-ужас» в произведениях «натуральной школы», рассмотренному Г.Ю. Карпенко в статье «Эстетико-психофизический комплекс «узость-ужас» в произведениях «натуральной школы» [8]. Этот комплекс впервые был описан В.Н. Топоровым на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», где «указания на тесноту-узость идут бок о бок с указаниями на духоту и тоску». Теснота вызывает состояние тоски, тошноты. Достоевский намечает семантическую связь тесноты – тоски – тошноты, а также такого ряда, как узость – угол – ужас. По изысканиям В.Н. Топорова, «все эти слова восходят в конечном счете к тому же индоевропейскому корню, который отразился в ведущем *anhas*, обозначающем остаток хаотической узости, тупика, отсутствия благ и в структуре макрокосма, и в душе человека – и противопоставленном широкому миру» [9, с. 204].

Пространство «Острова Сахалин», несмотря на фактически огромные площади, ограниченное, тесное, оно «душит», подавляет человека, и он стремится вырваться из него. Цвет,

звук и запах – натуралистические краски – необходимы для его изображения.

Цвет встречается в натуралистических описаниях в «Острове Сахалин» часто при изображении физических страданий человека: «Накануне моего приезда он был наказан плетью и, когда у нас зашла речь об этом, *показал мне свои ягодицы, сине-багровые от кровоподтеков*» [5, т. 14–15, с. 132]; «<...> уже после 5–10 ударов *тело, покрытое рубцами еще от прежних плетей, побагровело, посинело; кожа лопается на нем от каждого удара*» [5, т. 14–15, с. 337]; «*Место, по которому били, сине-багрово от кровоподтеков и кровотоцит. Зубы стучат, лицо желтое, мокрое, глаза блуждают*» [5, т. 14–15, с. 337–338].

Звук у Чехова раздражающий, неприятный, режущий слух, он делает невыносимым существование в пространстве. Часто это звуки тоски и плача, крика надзирателей, звона цепей, «гармоники и разудалых песен» [5, т. 14–15, с. 123, с. 241]: «Когда я просыпался утром, самые разнообразные звуки напоминали мне, где я. Мимо открытых окон по улице, не спеша, с мерным звоном проходили кандалные; против нашей квартиры в военной казарме солдаты-музыканты разучивали к встрече генерал-губернатора свои марши, и при этом флейта играла из одной пьесы, тромбон из другой, фагот из третьей, и получался невообразимый хаос. А в комнатах у нас неугомонно свистали канарейки <...>» [5, т. 14–15, с. 61]; «Вот другая группа: кандалные каторжные в шапках и без шапок, звеня цепями, тащат тяжелую тачку с песком <...>. Высыпав песок на площадке перед домом генерала, кандалные возвращаются тою же дорогой назад, и звон кандалов слышится непрерывно» [5, т. 14–15, с. 61]. Часто это звуки тоски и плача: «Описывая свое житье-бытье, помню, три женщины принимались плакать. В одной избе без мебели, с темною унылою печью, занимавшею полкомнаты, около бабы хозяйки плакали дети и пищали цыплята; она на улицу – дети и цыплята за ней. Она, глядя на них, смеется и плачет, и извиняется передо мной за плач и писк; говорит, что это с голоду <...>» [5, т. 14–15, с. 123]; «Сахалинский солдат кроток, молчалив, послушен и трезв. Поэт он редко и всегда одно и то же: «Десять девок, один я, куда девки, туда я... Девки в лес, я за

ними», – веселая песня, которую, однако, он поет с такою скукой, что под звуки его голоса начинаешь тосковать по родине и чувствовать всю неприглядность сахалинской природы» [5, т. 14–15, с. 311].

Человек в «Острове Сахалин» задыхается в атмосфере жизни-каторги в прямом и переносном смысле, его замкнутое жизненное пространство, весь ужас его существования характеризуют слова: тяжелый, спертый, удушливый, душный, вонь, зловоние, кислятина, смрад. Таких слов в тексте очень много. Запах становится «метафорой невыносимости жизни» [8, с. 190]. Поэтому при изображении условий, в которых живут каторжные в тюрьмах и поселенцы, Чехов, описывая весь их ужас, наделяет их отвратительным запахом овчины, кожи, дегтя, старых мешков и гниющих обносков, удушливого запаха пота, дешевого табака, от чего, по словам надзирателей, «душу воротит» [5, т. 14–15, с. 92].

Уничтожение жизни, движение ее к хаосу отмечено в художественном мире Чехова раздражающими цветом, звуком и запахами «распада»: *гниения, разложения, тухлого, прокисшего*.

При изображении условий, в которых живут каторжные в тюрьмах и поселенцы, Чехов, описывая весь их ужас, наделяет их *запахом*.

В «Острове Сахалин»: «С работ, производимых чаще в ненастную погоду, каторжный возвращается в тюрьму на ночлег в промокшем платье и грязной обуви; просушиться ему негде; часть одежды развешивает он около нар, другую, не дав ей просохнуть, подстилает под себя вместо постели. *Тулуп его издает запах овчины, обувь пахнет кожей и дегтем*. Его белье, *пропитанное насквозь кожными отделениями, не просушенное и давно не мытое, перемешанное со старыми мешками и гниющими обносками, его портянки с удушливым запахом пота, сам он, давно не бывший в бане, полный вшей, курящий дешевый табак, постоянно страдающий метеоризмом*; его хлеб, мясо, соленая рыба, которую он часто вялит тут же в тюрьме, крошки, кусочки, косточки, остатки щей в котелке; клопы, которых он давит тут же на нарах, – *все это делает казарменный воздух вонючим, промозглым, кислым: он насыщается водяными парами до крайней степени*, так что во время сильных морозов окна к утру покрываются из-

нутри слоем льда и в казарме становится темно; *сероводород, аммиачные и другие соединения мешаются в воздухе с водяными парами и происходит то самое, от чего, по словам надзирателей, «душу воротит»* [5, т. 14–15, с. 92]; «Если летом, при открытых окнах и дверях, пахнет помоями и отхожим местом, то, воображаю, какой ад бывает здесь зимою <...>» [5, т. 14–15, с. 131]; «Сами гильяки издают тяжелый, терпкий запах, а близость их жилищ узнается по противному, иногда едва выносимому запаху вяленой рыбы и гниющих рыбных отходов <...>» [5, т. 14–15, с. 174].

М.Л. Семанова отмечает, что очерковая книга Чехова, основанная на фактах, документах, личных наблюдениях, является не итогом, а *процессом* (выделено М.С.) исследования забытого современниками участка жизни, процесс познания писателем, обостренно чувствующим личную ответственность перед современной жизнью: «Это – дума человека и художника о своем времени, поиски им решения сложных социальных вопросов, драматические поиски, которые, хотя и не могли быть в ту пору завершены, но содействовали, по словам Чехова, его «возмужалости». В очерках обозначен временной старт (5 апреля 1890 г.), но нет временного финиша. Бесфинальность, открытость в самой жизни весьма содержательны. Исследование не завершено, оно будет продолжаться другими, чье гражданское гуманистическое сознание и чью исследовательскую мысль пробуждает автор первой правдивой, документально-художественной книги о Сахалине» [10, с. 112].

Натуралистические тенденции (совокупность определенных черт, присущих произведениям писателей-натуралистов, но не имеющих у Чехова устойчивых границ – протоколизм, фактографизм (фотографизм), натуралистические подробности в описаниях, сценах и портретах персонажей) и натуралистические краски (цвет, звук и запах, используемые писателем при изображении натуралистических подробностей в описаниях и сценах) можно увидеть еще в рассказах А.П. Чехова 1880-х годов [1]. В «Острове Сахалин» «невыносимость» жизни рисуется в художественном мире Чехова запахами распада: гниения, разложения, тухлого, прокисшего. Сахалин становится моделью современной

жизни. Вся жизнь начинает восприниматься как «остров страданий».

В книге «Остров Сахалин» натуралистические тенденции и краски помогают Чехову воспроизвести образы жизни-мучения и жизни-каторги, они способствуют реализации главных

задач книги: воссозданию правдивой, основанной на проверенных, точных фактах, картины русской каторги, пробуждению в обществе внимания к месту невыносимых страданий, стремлению показать отношение автора к современной ему действительности.

12.01.2017

Список литературы:

1. Проваторова, О.Н. Натуралистические тенденции в повествовательном творчестве А.П. Чехова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / О.Н. Проваторова. – Самара, 2008. – 20 с.
2. Гроссман, Л.П. Натурализм Чехова / Л.П. Гроссман // От Пушкина до Блока: Этюды и портреты. – М., 1926.
3. Кулешов, В.И. Реализм Чехова в соотношении с натурализмом и символизмом в русской литературе конца XIX и начала XX в. / В.И. Кулешов // Чеховские чтения в Ялте. – М., 1973.
4. Долженков, П.Н. Чехов и позитивизм / П.Н. Долженков. – М., 2003.
5. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / А.П. Чехов. – М., 1974–1983.
6. Сухих, И.Н. «Остров Сахалин» в творчестве Чехова / И.Н. Сухих // Русская литература. – 1985. – №3.
7. Катаев, В.Б. Автор в «Острове Сахалине» и в рассказе «Гусев» / В.Б. Катаев // В творческой лаборатории Чехова. – М., 1974.
8. Карпенко, Г.Ю. Эстетико-психофизический комплекс «узость-ужас» в произведениях «натуральной школы» / Г.Ю. Карпенко // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе: Материалы зональной конференции литературоведов Поволжья: в 2 т. – Тольятти, ТГУ, 2004. – Т. 2.
9. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – М., 1995.
10. Семанова, М.Л. Чехов-очеркист (от факта, документа – к творческому воплощению) / М.Л. Семанова // Чеховские чтения в Ялте. – М., 1973.

Сведения об авторе:

Проваторова Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: olgaprovatorova@yandex.ru